

**SECTION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL
ADVICE AND PSYCHOTHERAPY**

**РОЗДІЛ: ТЕОРЕТИЧНІ ТА МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ ПСИХОЛОГІЧНОГО
КОНСУЛЬТУВАННЯ ТА ПСИХОТЕРАПІЇ**

УДК 159.98:316.75:174

**ETHICAL PERSONALISM: SYNTHESIS OF CROSS-CULTURAL AND INDIGENOUS IN
MODERN COUNSELING**

Bondarenko A.F.

Kyiv National Linguistic University, Velyka Vasylkivs'ka St 73, Kyiv, 03150, Ukraine

E-mail: albond2012@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9458-1787>

Received 30 July 2018

The present paper examines the problem of considering specific indigenic sociocultural determinants of psychological counseling, namely, the conditioning of its semantic and pragmatic components by mental structures and values having been evolved in a particular culture during the historical formation of an ethnos. It will be noted that modern ideas of psychologists about advisory means, in the majority, are reduced to three classical psychotherapeutic approaches, and also to a number of innovative methods and techniques, which, considering them irrespective of sociocultural sources of occurrence, the unconditional dignity of universal are attributed. On the specific example of the concept and method of psychological counseling "ethical personalism" with the use of extensive psychological and cultural material, the author shows how taking into account the sociocultural determinants of psychological influence on the client / patient personality allows to increase the effectiveness and quality of the practice of psychological counseling.

KEY WORDS: counseling, socio-cultural tradition, indigenization, indigenic psychology, cross-cultural psychology.

**ЕТИЧНИЙ ПЕРСОНАЛІЗМ: СИНТЕЗ КРОС-КУЛЬТУРНОГО ТА ІНДИГЕННОГО У ПСИХОЛОГІЧНОМУ
КОНСУЛЬТУВАННІ**

Бондаренко О.Ф.

Київський національний лінгвістичний університет, кафедра психологи і педагогіки

Київ-150, вул. Велика Васильківська, 73, 03150, Україна

У статті поставлена проблема врахування конкретної індігенної соціокультурної детермінації процесів психологічного консультування, а саме обумовленість його семантичного і прагматичного компонентів ментальними структурами і цінностями, що склалися в тій чи іншій культурі впродовж історичного становлення етносу. Зазначається, що сучасні уявлення психологів щодо консультативних засобів зводяться, переважно, до трьох класичних психотерапевтичних напрямів, а також до низки інноваційних методів і технік, яким, розглядаючи їх безвідносно до соціокультурних витоків виникнення, атрибується безумовне достоїнство універсальних. На конкретному прикладі концепції і методу психологічного консультування «етичний персоналізм» із застосуванням великого психологічного і культурознавчого матеріалу автор показує, яким чином врахування соціокультурних детермінант психологічного впливу на особистість клієнта / пацієнта дозволяє підвищити ефективність і якість практики психологічного консультування.

КЛЮЧОВІ СЛОВА: психологічне консультування, соціокультурна традиція, індігенізація, індігенна психологія, крос-культурна психологія

**ЭТИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ: СИНТЕЗ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО И ИНДИГЕННОГО В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ
КОНСУЛЬТИРОВАНИИ**

Бондаренко А.Ф.

Киевский национальный лингвистический университет, кафедра психологи и педагогіки

Киев- 150, ул. Большая Васильковская, 73, Киев 03150, Украина

В статье поставлена проблема учета конкретной индигенной социокультурной детерминированности процессов психологического консультирования, а именно обусловленность его семантического и прагматического компонентов ментальными структурами и ценностями, сложившимися в той или иной культуре в ходе исторического становления этноса. Отмечается, что современные представления психологов о консультативных средствах, в большинстве своем, сводятся к трем классическим психотерапевтическим направлениям, а также к ряду инновационных методов и техник, которым,

рассматривая их безотносительно к социокультурным истокам возникновения, атрибутируется безусловное достоинство универсальных. На конкретном примере концепции и метода психологического консультирования «этический персонализм» с применением обширного психологического и культуроведческого материала автор показывает, каким образом учет социокультурных детерминант психологического воздействия на личность клиента/пациента позволяет повысить эффективность и качество практики психологического консультирования.

Ключевые слова: психологическое консультирование, социокультурная традиция, индигенизация, индигенная психология, кросс-культурная психология.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исследователи и практики, работающие в области кросс-культурной психологии и психологического консультирования, все чаще и чаще констатируют, что, в сущности, «все психологии – индигенны» [18]. Иными словами, общепринятый постулат о социокультурной детерминации психики в наше время наполняется конкретным содержанием, развертывающимся в принципиально новый дискурс, который известный мыслитель Г. Гачев в одной из своих лекций обозначил термином «экзистенциальная культурология». Именно Г. Гачеву принадлежит мысль-откровение, что «под терминологией, строгими научными терминами лежит метафора, образ» [7], что ни Гегель, ни Кант, - это не универсальное мышление. На нем печать германского образа мира, так же, как у Декарта – французского, у Галилея – итальянского, у Ньютона – английского. Этот ряд легко можно продолжить, вспомнив отца-основателя психоанализа и его последователей, представителей американского бихевиоризма или германо-российскую школу рефлексологии – от И.М. Сеченова и И.П. Павлова до В.М. Бехтерева и К.Н. Корнилова, истоки которой восходят к именам Г. Гельмгольца, В. Вундта, Р. Гейденгайма, Э. Дюбуа-Реймона, П. Флексига и др. Повидимому, острое осознание именно социокультурного или, по терминологии Г. Гачева, космопсихо-логосного т.е. ментального своеобразия каждого цивилизационного этноса, чему способствовал как ряд сугубо эмпирических факторов (распространение психологической практики в различных регионах планеты, исследования по кросс-культурной психологии), так и попытки теоретико-методологической рефлексии специфики психологического воздействия как на индивидуума, так и на социум, в частности, в работах американских, тайваньских, китайских и российских психологов и культурологов, пытающихся преодолеть и жесткие концентрические сценарии К. Левина, и мнимый универсализм психоанализа, в настоящее время на повестку дня ставит вопросы создания культурнообразных систем психологической практики, общее назначение которых - сохранение неповторимости каждой культуры и личности ее носителя. «Возлюбленная непохожесть – вот мой принцип, вот что должно быть принципом во взаимных отношениях между цивилизациями» [Гачев, там же]. Безусловно столь пристальное внимание, которое все больше и больше привлекают к себе вопросы индигенности в современной психологии, не может не рассматриваться как реакция ноосферы на агрессивную политику современных глобализаторов, которые и не скрывают своей главной задачи – превратить человечество в однородную массу потребителей, полностью управляемых кредитами и доступом к банковским ресурсам, но эта тема далеко выходит за пределы проблематики, которой посвящена данная статья. Статья же посвящена как раз проблеме не столько обретения собственного лица, основные контуры которого вылеплены тысячелетней традицией Восточного христианства, сколько прояснению, кристаллизации, явления его миру. Дело в том, что в отечественной психологической практике широко заимствуются и используются зарубежные психотерапевтические методы (за исключением психодинамической парадигмы), которые созданы в рамках англосаксонской культуры. Между тем, прямое перенесение зарубежных психотерапевтических методов в отечественную практику без должного их осмысления и переработки по сути является привнесением чужеродных ценностных элементов в структуру родной ментальности, своеобразной формой индоктринации социокультурно детерминированного сознания мифами, концептами, идеологемами, которые в лучшем случае могут породить

дискомфорт в процесі психотерапевтичного взаємодія, а в худшем – переформатувати особистісно-смыслову структуру свідомості, подриваючи систему цих особистісних значень, якими людина зобов'язана духовними цінностями свого народу. Вже належність до певної цивілізації і культури формує у того чи іншого етносу ряд специфічних рис, проявляючись в особливостях вищого психічного функціонування, які, власне, і визначають можливість або неможливість, доцільність або навіть ефективність використання того чи іншого підходу в роботі з даною категорією пацієнтів/клієнтів. Виникає враження, що прозелити «прогресізму» не дають собі звіту в реальній підопіці цих чи інших ідейних течій. Навіть прямі заклики видаючись мислителів сучасності «відмовитися від вираження «едіпов комплекс» – неістотного джерела помилок і незрозумітих» [8, с. 246] – не знаходять відгуку серед оголошених приверженців інокультурних стереотипів психотерапії. Принципово нове рішення даної проблеми дає розвиток системи надання психологічної допомоги по вектору індигенізації, передбачає розробку ефективних культуросообразних методів, поєднуючих в собі індигенне і універсальне. В протилежному випадку, як підкреслюють Дж.В.Беррі з соавторами, імпорту західної психології може привести до хаосу, оскільки методи і ідеологія сучасної психології комбінуються в деяких випадках з ідеологічною основою з індуїзму, ісламу, буддизму, синтоїзму і навіть марксизму-ленінізму [1, с. 492].

Повільна задача вітчизняної психології – розробка культуросообразних методів, т.е. методів, відкритих, а не гностичним способом визнаючих свою походність від того чи іншої ментальності і породженої нею культури, і саме в силу цього здатних обогатити світову психологічну практику обґрунтованим, а не произвольним арсеналом лікувального психологічного впливу і, відповідно, високим потенціалом повільної універсальності [1-4; 6; 9; 11; 13-15, 18].

Етичний персоналізм – експліцитно індигенний метод психологічного консультування

Одним з таких, культуросообразних, методів психологічного консультування може служити модальність «**етичний персоналізм**» (далі – ЕП), основні концепції якої, відображаючи психологічну реальність міжособистісних відносин і професійні дії психолога, – постановка психологічного діагнозу складеної ситуації, врахування балансу жертвоприношення і самопожертвування, подолання позиції жертви шляхом переосмислення власного жертвоприношення як подаруку і др.

Іншими словами, ЕП призначений передусім для роботи з пацієнтами, ставшими жертвою психоемоціональної травми в міжособистісних відносинах. Середоточієм консультативної і психотерапевтичної роботи при цьому виступає основна мета, випливаюча з вітчизняної антропології, – відновлення і зміцнення особистісного гідності людини.

Вовішено очевидно, що безпосередньо це зробити неможливо з причини зміненого психогенії емоціонального стану. Відповідно, первоочередною задачею виступає задача відновлення душевного рівноважжя. Далі – відновлення особистісного гідності. І як венік консультативної і психотерапевтичної роботи – процеси вдосконалення етичного ядра особистості.

Для краткості ми іменуємо цю триединую задачу задачею трьох «Р»: ревіталізація, ревалюація, реконструкція особистісного «Я». А психотерапевтична традиція, зобов'язана своїм виникновіням вітчизняної філософської антропології, є не чим іншим, як етичним персоналізмом (термін М. Шелера), оскільки російській культурі властиво саме прагнення до морального вдосконалення. В той час як, скажемо, іудейській – прагнення до вдосконалення інтелектуальному. По крайній мірі, саме так писав ще в XII столітті Мойсей

Маймонид (Рамбам), почитаемый евреями как второй Моисей [16, с. 499].

Русич явился носителем не протестантской нормы вседозволенности, не иудейской нормы запрета, не исламской нормы покорности, а восточнохристианской нормы благословенного действия, действия, санкционированного с позиции абсолютного блага, абсолютного добра. Впервые эти положения были явлены русичам в 1051 году (год бракосочетания княжны Анны, дочери Ярослава Владимировича, Мудрого, с королем Франции Генрихом I) киевским митрополитом Илларионом, поставленным во главе Православной церкви Киевской Руси Ярославом Мудрым, сыном Св. князя Владимира, в его знаменитом обращении к русичам «Слово о Законе и Благодати». Ссылка в Повести Временных лет на это произведение времен Киевской Руси приходится на 1051 год, т.е. на 6559 лето от сотворения мира по календарю русичей. Красной нитью через это величайшее произведение Древней Руси проходят мысли о том, что не познавшие Христа поклоняются земному, а христиане радеют о небесном, что Закон – лишь тень, а Благодать – истина, что приверженцы Ветхого завета стремятся к самоутверждению, в то время как принявшие Христа – к спасению [10]. Вот откуда в русской культуре стремление к нравственному совершенствованию. Вот откуда берет начало ярко выраженная совестливость и сензитивность к этическим переживаниям и ценностям, присущая носителям культуры Восточного христианства, в котором наиболее отчетливо был сформулирован постулат об абсолютном запрете на человеческие жертвоприношения [5]. Вскрытие ценностно-смыслового конфликта, в основе которого, как правило, находятся переживания, связанные либо с добровольным самопожертвованием, либо с осмыслением жертвоприношения со стороны других в отношении тебя самого, что, собственно, и вызывает этический диссонанс, и есть сердцевина психологии русичей и этического персонализма как отечественной концепции психологического консультирования.

Таким образом, хотя сам термин «этический персонализм» принадлежит М. Шелеру, непосредственно психологическое содержание той феноменологии, которую мы описываем данным термином, вполне отражает специфику русской ментальности, проявляющейся в таких особенностях высокой русской культуры, как потребность постигать, переживать и утверждать нравственные формы жизни как абсолютные ценности бытия, которым атрибутируется достоинство высших смыслов.

Несомненную опасность для сознания русичей представляют навязываемые ценности личной выгоды и ростовщичества, принятые в чуждой нам коммерциализированной логике искупления грехов путем покупки индульгенций или достижения богоугодности благодаря собственному материальному благосостоянию.

Как показывают наши исследования в области психосемантики сознания, архетипичной чертой русской ментальности является все же деятельная *созерцательность*, а не практицизм, поскольку категории деятельности, власти и независимости объединены в конструкт, включающий в себя ценность познания. Кроме того, русская культура сострадательна, поскольку для русского человека именно *любовь* представляет абсолютную и высшую нравственную ценность. А свобода, говоря словами А.А. Ухтомского, дается только там, где есть дары Духа Святого [12].

В то время как, например, в популяризируемом сегодня ноахизме с его попытками введения «универсальной этики», по глубокому замечанию О.Н. Четвериковой, «есть вера в единого для всех Бога (при этом у каждого свое собственное его понимание), есть запреты, есть суд, но нет христианской заповеди любви, раскрывающей в человеке личность» [15, с. 216].

Невозможно не отметить в этой связи, насколько явственно в данном моменте наблюдается совпадение в трактовке, скажем, М. Аптером, автором теории реверсивности психики, свободы как негативистского состояния, а долженствования – как состояния конструктивного и, в его американизированной терминологии, – конформистского. А в нашей терминологии – коллективистского [17].

Именно эти, нередуцируемые социокультурные свойства русского человека и являются подлинным содержанием и предметом отечественных традиций и перспектив во внемедицинской психотерапии. Другое дело, что высокая русская культура в XX веке была разрушена. Русские люди сплошь и рядом ощущают себя духовными сиротами. В связи с инфицированием хамством, этой мнимой духовной панацеей племса, возвращение соотечественнику исконного чувства собственного достоинства, пробуждение которого и лечит человеческую душу, – самое целебное снадобье. Недаром «Слово о Законе и Благодати» находилось под запретом с 1917 по 1992 гг.

К сожалению, только крайняя, пограничная ситуация выступает необходимым условием для этого пробуждения. Именно в условиях крайней, пограничной ситуации, на антропологической границе человеческого и нечеловеческого, отечественная психология противостоит западной трансгрессии, в которой, по выражению С.С. Хоружего, «преступание как таковое возводится в фундаментальную антропологическую установку» [14].

Психологические механизмы ЭП, обуславливающие личностные трансформации страждущего

Как свидетельствуют наши исследования, люди обращаются к практикующему психологу по прямому назначению, т.е. не путая его с психиатром, во вполне определенном типе ситуаций: в ситуации виктимизации личностного «Я». ЭП – метод, предназначенный для психологического консультирования и психотерапии в ситуации травматических межличностных отношений, в которой у человека возникает этический диссонанс, т.е. конфликт собственных представлений о добре и зле в отношениях и поведении с реальной их практикой, как она на самом деле сложилась.

Если ситуация есть реальное событие, данное в обстоятельствах, то переживание психоэмоционального состояния есть ментальное событие, данное в этическом диссонансе и влекущее за собой изменение личностной позиции, чаще всего проявляющейся в утрате субъектности (позиция «жертвы»). Собственно, из этих двух возможных пресуппозиций и возникает насущная необходимость в психологической помощи: начиная с восстановления душевного равновесия, продолжая восстановлением личностного достоинства (преодоление личностной позиции «жертвы») и вплоть до развития и совершенствования этического ядра личностного «Я».

Эти три процесса в ЭП и охватывают весь процесс восстановления субъектности «Я». К психологу обращается человек страдающий. Страдание проявляется в жалобах, выступающих внешней, обращенной вовне формой страдания. В свою очередь, жалобы могут иметь два принципиально направленных вектора: жалобы на состояние и жалобы на отношения. Первая и основная задача психолога при обращении к нему страждущего – задача ориентировочная: установить хотя бы в первом приближении причины страдания, проявляющиеся в жалобах, их этиологию – психогенную, органическую, биохимическую или смешанную. Во всех случаях, кроме сугубо психогенных причин, психолог не может выступать главным актором психотерапии, ограничиваясь вначале консультационной (направление к соответствующему специалисту), а затем, если возникнет необходимость, продолжая и наращивая усилия, относящиеся к психологической помощи. Последняя может оказаться полезной в ситуациях необходимости обеспечить эмоциональное отреагирование, переобучение и т.п.

Структурирование процесса взаимодействия, краткое описание этапов. Принципиальная схема консультативной работы включает три основных этапа.

Первый этап – подготовительный. Этот, неспецифический, этап предназначен для первичной ориентировки в жалобах и общей психосоциальной ситуации страждущего, для установления надлежащего уровня доверия, для подготовки пациента к ситуации личностной и отношенческой диагностики.

Второй этап работы – диагностический. Этот этап в ЭП выступает уже со своим

специфическим содержанием. Предпочтительно, чтобы этот этап осуществлял коллега – ассистент, ко-терапевт, т.е. другой психолог, функция которого – снятие возможного переноса, излишней привязки к фигуре консультанта и обеспечение отстраненной обратной связи в психологической диагностике ситуации, состояния и личности пациента.

Общее назначение личностной и отношенческой диагностики – объективировать состояния, личностные особенности и стратегии межличностных отношений в конкретной травматической ситуации. Речь идет именно об экспресс-диагностике. Применяемые здесь диагностические методики могут включать в себя широко известный в быстрой диагностике инструментарий: проективные тесты (метод цветовых выборов М. Люшера, психографический тест А.В. Либина), а также отдельные шкалы из личностного опросника Р. Кетелла, в частности шкалу, отражающую фактор «В», СМИЛ в редакции Ф.Б. Березина или Л.Н. Собчик, либо сокращенный вариант последнего, известный как методика «Мини-мульти», т.е. набор методик, обеспечивающих экспресс-диагностику личности и ее состояний.

Но особую значимость, на наш взгляд, имеет разработанная нами методика оценки и прогнозирования психологического развития ситуаций межличностного взаимодействия, которая предназначена для идентификации фигуры «жертвы» и наличия самого акта «жертвоприношения», пусть понимаемого и символически, но отнюдь не менее травматичного по своей сути [2, с. 344-356].

Сущность данной диагностической методики заключается в том, что она позволяет распознать онтологические основания межличностного конфликта путем переопределения его сторон как соотносящихся с библейскими персонажами Авеля и Каина. Собственно, оказавшись в этом, условно говоря, психологическом капкане и, отрефлексировав, кто на самом деле является выгодополучателем, а кто жертвой в сложившихся отношениях, пациент обретает нравственную опору в виде стенизирующей, возвышающей человека мотивации к преодолению позиции жертвы на пути восстановления собственного личностного достоинства. Предложенный инструментарий позволяет сориентироваться в эмоциональном состоянии, интеллектуальном статусе и личностных особенностях страждущего, что дает возможность выстроить адекватную данной ситуации и личности стратегию консультативной работы.

Типичные исходы второго этапа работы следующие: опираясь на результаты диагностики, консультирующий психолог завершает ориентировочно-диагностический этап работы клинически ориентированной беседой, в которой обсуждаются полученные данные, уточняется отношение страждущего к ним и определяется собственно предмет психологической работы или иные направления и задачи в сложившейся ситуации. Наиболее вероятные варианты развертывания событий после этапа экспресс-диагностики суть следующие.

1. Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны данной травматической ситуации, психоэмоциональное состояние страждущего (общий стресс, тревожность, сниженное настроение, фрустрация, агедония и т.п.) и личностная акцентуация не превышают пределов, требующих срочного либо неременного врачебного вмешательства, основное травматическое переживание относится к психогении, индуцированной травмой межличностных отношений.

2. Жалобы и причина обращения за психологической помощью не когерентны. Например, предъявляемая жалоба звучит как обвинение супруга в измене, но степень личностной акцентуации, уровень шкалы по фактору «В» в тесте Кетелла, личностный профиль в целом по тесту «Мини-мульти» и неспособность выполнить психографический тест, равно как и клинически ориентированная беседа, заставляют предположить, что речь идет о бреде отношений.

3. Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны ситуации. Однако в процессе диагностики и клинически ориентированной беседы выясняется, что речь идет не столько о самом человеке, который обратился за помощью, сколько о том, по поводу которого обратились за

помощью, поскольку именно тот, другой, создал конкретную травматичную ситуацию, и очевидно, что ни психоэмоциональное состояние обратившегося за помощью, ни его интеллектуальный уровень, ни степень личностной акцентуации не искажают представленную картину. Так что речь должна идти в первую очередь о работе именно с тем, другим человеком, по поводу которого и обратились к психологу.

Как явствует из вышеизложенного, непосредственная ситуация приложения усилий именно психолога-консультанта – это первый из возможных исходов. Во втором случае возникает необходимость направления страждущего к психиатру (или в необходимых случаях – к врачам иных специальностей), что также требует необходимой в таких случаях квалификации и компетенций, иначе можно травмировать человека или, еще хуже, способствовать его инвалидизации. В третьем из типичных исходов необходимы усилия для выстраивания ситуации психологической помощи, поскольку она лишь обозначена, но не проявлена. Так что в качестве готовых для консультативной работы уже с первой встречи могут рассматриваться лишь ситуации первого типа. Именно для такого, по прямому назначению, типа консультативных ситуаций и разработан нами протокол консультативной работы в модальности ЭП. Основные его этапы описываются следующим алгоритмом.

1. Перевести жалобы в конкретный вопрос-пожелание, требующий ответа «да-нет».
2. Уточнить, кто реально может помочь добиться желаемого и в чем состоят основные ценностные смыслы страждущего (ради кого).
3. Найти изначальную (ключевую) ошибку в прежнем поведении, приведшую в психологический капкан «Авель-Каин».
4. Уточнить, чье неверное благословение на ошибочное действие (или отсутствие чьего истинного благословения) привело к трагическому итогу во взаимоотношениях.
5. Обсудить, из-за каких конкретных неверных действий сложилась данная (конкретная) неблагоприятная ситуация.
6. Проанализировать все возможные альтернативы развития ситуации, используя шкалу абсолютных этических ценностей (от абсолютного Добра до абсолютного Зла).
7. Идентифицировать референтную для страждущего Фигуру – носителя абсолютной ценности Добра – применительно к данной ситуации.
8. Испросить благословения на ответственный поступок (по перемене личностной позиции, стратегии поведения) у образа референтной фигуры.
9. Согласовать лечебные (психотерапевтические) мероприятия стратегии поведения у образа референтной Фигуры.
10. Получить благословение на принимаемое решение и образ действий.
11. Обсудить наиболее приемлемую стратегию и тактику психотерапии, в том числе и целесообразность сочетанной психофармакотерапии с привлечением врача (невролога, психиатра или клинициста другой специальности).

Конечные цели воздействия, позитивные личностные изменения как результат применения данного метода

Практикующий психолог, в отличие от психиатра, работает, прежде всего, с отношениями и эмоциональными состояниями, индуцированными травматичными отношениями. Здесь главная определяющая причина травмы – способы действий пациента, которые вытекают из ценностно-смысловой структуры его личностного «Я» и той этической системы, которую «Я» в себе несет. Понять, ради кого ты готов жертвовать собой в отношениях, понять, не приносят ли тебя в жертву, кто благословил тебя на те или иные отношения, исправить неверное благословение, допустить, что не ты только, самочинно, управляешь миром этих отношений, но есть еще нечто, некое другое

измерение мира, и что ты не всегда равен себе, но, вообще-то, как человек способен к трансцендированию, выходу за видимые рамки данной ситуации в иные смысловые пространства, – вот исходные координаты предлагаемого метода. Здесь процессы ревитализации (возвращения к жизни), ревальвации (заботы об истинных ценностных смыслах) и реконструкции (восстановления достоинства личностного «Я») – главные моменты.

В предлагаемой позиции упор в лечении отношений, от которых страдает человек, пришедший на прием, делается на краеугольных смыслопорождающих импульсах русской культуры, в основе своей православной: запрете на жертвоприношении, потребности в благословении, отсутствии кастрационного комплекса, эдипова комплекса и др.

ЭП не является специфическим методом или подходом для консультирования клиентов/пациентов, принадлежащих византийскому социокультурному ареалу, так же как позитивная психотерапия не предназначена только для иранцев или бахаистов, психоанализ не является специфическим средством работы только с евреями или католиками, холотропное дыхание – с индуистами, а юнгианская терапия – с немцами. Он безусловно универсален, поскольку в его основе лежит признание запрета на жертвоприношение в отношениях как сакральное основание истинной человечности. Более того, и сам термин «этический персонализм» принадлежит германскому философу М. Шелеру.

ЭП предоставляет возможность более глубокого, человеческого, сущностного понимания происходящего в межличностных отношениях, чем методы и техники, восходящие к иудаизированным христианским или иным религиозным системам. Как свидетельствует опыт нашей работы, данный метод позволяет в значительной степени упорядочить, структурировать и сделать весьма эффективной работу консультирующего психолога, в особенности с нашими соотечественниками, которые не привыкли к долгим и регулярным посещениям психологов, у которых психотерапия не призвана подменять собою жизнь, сомнительную заслугу чего легко можно приписать психоанализу, а также, если учесть тот факт, что достаточно сомнительное в своих исходных установках антипсихиатрическое движение не успело подорвать доверие и к нашим психологам в столь же значительной степени, в какой оно подорвало доверие к предельно коммерциализованным западным или вестернизированным отечественным специалистам. Таким образом, именно культуросообразное психологическое консультирование и психотерапия представляются нам магистральным путем развития отечественных традиций психологической помощи.

ВЫВОДЫ

Процессы индигенизации современной психологии – один из наиболее актуальных трендов в современных науках о человеке. Возникшая преимущественно в незападных странах, однако благодаря в первую очередь усилиям западных исследователей, данная традиция все полнее и явственнее артикулирует положение о том, что западная психология является лишь одной из индигенных психологий, имплицитно приписавших себе статус Психологии с большой буквы. Между тем, современные кросс-культурные разработки подчеркивают, что наивные попытки смешивать науку и политику, идеологические и ментальные проблемы создают ложную перспективу улицы с односторонним движением, ограничивая возможности психологических исследований.

Безосновательные попытки смешивать национальное развитие и развитие экономическое, неотрефлексированные идеологические и теологические постулаты с ориентацией исключительно на контингент западных клиентов (WEIRD) - протестантов по вероисповеданию, индивидуалистов по жизненным ориентациям и все больше и больше склоняющихся к номадическому образу жизни, — привели к тому, что все больше и больше ведущих исследователей в самых различных странах мира (Канада, США, Индонезия, Япония, Китай, Тайвань, Россия, ЮАР, Великобритания, Украина,

Бразилія, Аргентина і др.) стремятся к построению системы научного психологического знания и системы оказания психологической помощи, исходящих из индигенных реалий — ценностей, верований и убеждений, которые, в свою очередь, опираются на философскую и религиозную традицию определенного этноса. Предполагается, что каждая цивилизационно-культурная общность в идеале должна развивать свой собственный индигенный подход. В этом смысле этический персонализм и является одной из первых попыток в отечественной психологии предложить эксплицитно сформулированную концепцию и метод психологического консультирования, учитывающий тысячелетнюю культурную традицию, лежащую в основе ментальности, восходящей к ценностным принципам и постулатам Восточного христианства.

REFERENCES

1. Beri J.V. *et al.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. [Cross-cultural psychology. Research and application] / Trans from Engl. Kharkiv: Gumanitarnyj centr, 2007. – 560 p. (in Russian)
2. Bondarenko A.F. Язык. Культура. Психотерапия: сб. научных статей. [Language. Culture. Psychotherapy: digest of scientific articles]. – Kyiv: Kafedra, 2012. – 416 p. (in Russian)
3. Bondarenko A.F. Этический персонализм. Методическое пособие по психологическому консультированию, сообразному русской культуре. [Ethical personalism. Methodological manual on psychological counseling, in accordance with Russian culture]. – Kyiv: Alfa Reclama, 2014. – 100 p. (in Russian)
4. Bondarenko A.F., Fedko S.L. Тенденции индигенизации и их осмысление в современной консультативной психологии [Indigenization trends and their understanding in modern consultative psychology] // *Meditsinskaia psikhologiiia v Rossii: elektron. nauch. zhurn.* – 2014. – no.5(28); <http://www.mprj.ru> (in Russian)
5. Bondarenko A.F. Этическое основание психотерапевтических практик, восходящих к антропологии восточного христианства [The ethical basis of psychotherapeutic practices dating back to the anthropology of Eastern Christianity] // *Psychological counseling and psychotherapy.* Iss. 6, Vol. 2., 2016, P.6-17. (in Russian)
6. Venger A.B. Психотерапия: западная теория и российская практика [Psychotherapy: Western Theory and Russian Practice] // *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal.* – 2004. – no. 1. – P. 5-17. (in Russian)
7. Gachev G. «Национальные образы мира» [National images of the world]: www.polit.ru/articlw/2007/05/24/kulturosob
8. Zhirar R. Насилие и священное. [Violence and the sacred]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 448 p. (in Russian)
9. Latupov I.V. Культурно-историческая психотерапия: В поиске своей ниши [Cultural-historical psychotherapy: Finding your niche] // *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna».* – 2012. – no.3. – P. 20-28. (in Russian)
10. "Слово о Законе и Благодати" митрополита Киевского Иллариона ["Word of Law and Grace" Metropolitan Hilarion of Kiev]; <https://www.portal-slovo.ru/history/39072.php> (in Russian)
11. Sukharev A.V. Культурно-психологические основания этнофункциональной психотерапии // Гуманитарные исследования в психотерапии: труды по психотерапии и психологическому консультированию [Cultural and psychological foundations of ethno-functional psychotherapy // Humanitarian research in psychotherapy: works on psychotherapy and psychological counseling] / Red. F.E. Vasylyuk. – Moscow: PI RAO; MGPPU, 2007. – Iss. 1. – P. 204-228. (in Russian)
12. Ukhtomskii A.A. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. [Intuition of conscience: Letters. Notebooks. Marginal notes.]. – Sankt-Peterburg: Peterb. pisatel, 1996. – 528 p. (in Russian)
13. Fantalova E.B. «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический прием [“Russian catharsis” as a phenomenon of culture and psychotherapeutic reception] // *Zhurnal praktikuiushchego psikhologa.* – 2003. – Iss. 9. – P. 11-16. (in Russian)
14. Khoruzhii S.S. Современная антропологическая ситуация в свете синергической антропологии. Выступление на научном семинаре философского факультета Новгородского государственного университета в апреле 2006 г. [The current anthropological situation in the light of synergistic anthropology. Speech at a scientific seminar of the Faculty of Philosophy of Novgorod State University in April 2006]; <http://www.rulit.me/books/sovremennaya-antropologicheskaya-situaciya-v-svete-sinergijnoj-antropologii-read-204277-2.html> (in Russian)

15. Chetverikova O.N. Измена в Ватикане, или заговор пап против христианства. [Treason in the Vatican, or the popes conspiracy against Christianity]. – Moscow: Eksmo, 2011. – 240 p. (in Russian)
 16. Ialom I. v [Existential psychotherapy]. – Moscow: Rimis, 2008. – 576 p. (in Russian)
 17. Apter M.J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. – L., N. Y.: Academic Press, 1982. – 378 p.
 18. Marsella A.J. All Psychologies are Indigenous; <http://www.apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx>
-